

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

2008.03.005. ЗАКОН ВАКЕРНАГЕЛЯ. (Обзор)*

Расположение некоторых слов в предложении в индоевропейских языках подчиняется определенным закономерностям. Совокупность фактов, описывающих эти закономерности, называется законом Вакернагеля.

Закон был сформулирован как индоевропейский в основополагающей статье швейцарского лингвиста Якоба Вакернагеля¹ (Wackernagel, 1892²) и в формулировке самого автора звучал так: «Энклитики и маленькие слабоударные (*schwachtonige*) слова следуют непосредственно за первым словом предложения»³ (Wackernagel, 1943, в разделе III, о порядке слов). Именно в этой, более поздней работе автор связал действие закона с «ритмом индо-европейского предложения, обусловившим примыкание слабоударных элементов к акцентно сильному началу предложения» (там же, с. 90).

Закон Вакернагеля (далее ЗВ) – одно из наиболее глубоких и универсальных синтаксических обобщений для индоевропейских языков. Вместе с тем его приложение к конкретным текстам пока-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-04-04138а «Индоевропейские клитики».

¹ Краткая биография – (Nevis, 1994, р. XI–XII).

² Семь разделов из двенадцати посвящены обсуждению греческого материала, иллюстрирующего постановку энклитик и других постпозитивов на втором месте в предложении, три – латинского, один – индоиранского, последний раздел – позиции глагола в предложении в разных индоевропейских языках. Непосредственный предшественник Вакернагеля Бертольд Дельбрюк (1842–1922) установил данное правило на материале древнеиндийской прозы, в связи с чем закон иногда предлагают обозначать как закон Вакернагеля – Дельбрюка (см., например: Collinge, 1985, р. 218; Meier – Brügger, 2002, S. 252; – ср., однако, Janse 1990). С именем Якоба Вакернагеля связан также другой закон, описывающий образование *composita*, см.: Collinge, 1985, р. 23–27.

³ Перевод иностранных авторов здесь и далее мой, за исключением статьи (Дункель, 1992). – *Прим авт.*

зывает, что даже в наиболее архаичных из них действие закона ограничено некоторыми не вполне понятными условиями. Иначе говоря, уже на индоевропейском уровне ЗВ предстает как сложный комплекс правил (см., например, Krisch, 1990), и столь же сложные комплексы правил для вакернагелевских контекстов, несомненно, действовали и в исторических диалектах (см., например, Янин, Зализняк, 1993; Зализняк, 2004).

Базовые сведения об истории изучения ЗВ в индоевропеистике приводятся в работах (Циммерлинг, 2002, с. 154; Степанов, 1989, с. 225–229; Collinge, 1985, с. 217–219) – хотя последние две работы уже несколько устарели. Предыстория вакернагелевского исследования вкратце излагается в (Janse, 1990). Специальная библиография была приурочена к 100-летию публикации статьи Вакернагеля (Nevis, 1994, ок. 1500 пунктов, литература до 1991г.). В качестве дополнения, в котором собраны «пропущенные» книги, а также новая литература до 1994 г., см. (Janse, 1994a).

Исследование ЗВ включает несколько комплексов проблем.

1. *Проблема выделения сегментов текста, релевантных для ЗВ.*
2. *Характеристика элементов, попадающих под действие ЗВ.*
3. *Понятие «второй позиции».*
4. *Проблема рангов.*
5. *Проблема объяснения того, что стоит за этими правилами.*

Эти пункты будут соответствовать разделам нашей публикации. Подразделы там, где они есть, не нумеруются; нумерация примеров сплошная.

1. Проблема выделения сегментов текста, релевантных для ЗВ

Значительный этап в развитии идей Вакернагеля представляют работы Э. Френкеля (1888–1970): (Fraenkel, 1964; Fraenkel, 1965). Френкель разработал на материале древнегреческого и латинского языков теорию «колонов» – «синтаксических единств, меньших, чем предложение» (Fraenkel, 1965, S. 3). ЗВ реализуется в пределах колона так же, как и в пределах предложения. Правила выделения / (образования) колонов совмещают формальные (при-

частные конструкции, инфинитивные конструкции, распространенные члены предложения, предложные группы, группы, начинающиеся с вопросительных или относительных местоимений, группы, начинающиеся с отрицания *οὐ*), функциональные («относительно независимые» (Fraenkel, 1964, S.103), «самодостаточные» (ibid., S. 94) части предложения, которые «равносильны придаточному предложению») и семантические (части предложения, которые выражают противопоставление или сопоставление, перечисления, тему, анафору, эмфазу) критерии. Возможно одновременное действие нескольких критериев, в то же время степень их обязательности не одинакова.

Интересно, что положение энклитик (и прочих постпозитивов) как раз и служит в системе Френкеля *критерием* границ колонов: (Fraenkel, 1964, S. 94, 101, 122; Fraenkel, 1965, S. 3). Тем самым этим лексическим единицам присваивается – в современных терминах – делимитативная функция. Насколько мне известно, этот аспект редко привлекает внимание исследователей, но, например, Х. Дик (Dik, 1995, p. 35) рассматривает его на древнегреческом материале. Ср. также (Krisch, 2002, S. 252–253).

Уточнение вакернагелевской формулировки, описывающей позицию соответствующих слов «в предложении», потребовалось и при анализе древнерусского материала. Систематическое описание позиции энклитик в новгородских грамотах (Янин, Зализняк, 1993, с. 280–308) сводит при определенных условиях действие ЗВ к сегментам меньшего порядка, чем простое предложение (там же, с. 286). Набор этих условий совпадает с параметрами выделения «колонов» Френкеля – лишь с некоторыми отличиями, прежде всего, касающимися степени обязательности того или иного параметра (не вводится, однако, критерий семантической «равнозначности» колона предложению). «Ритмико-синтаксические барьеры» Зализняка, таким образом, соответствуют «границам колонов» Френкеля.

В работе А.А. Зализняка (Янин, Зализняк, 1993) показано, что необходимо последовательно различать случай первый, когда ритмико-синтаксический барьер «не позволяет энклитикам продвинуться влево, к действительному началу предложения» (ibid.), и случай второй, когда энклитики распределяются между барьерами

(Зализняк, 1993, с. 288), «существуют барьеры, предназначенные для конкретных энклитик (и не имеющие силы для остальных)».

Второе правило действует в древнерусском языке «лишь в редких случаях»; «...если бы описываемое правило применялось часто, то само описание древнерусских энклитик с помощью закона Вакернагеля можно было бы поставить под сомнение» (там же).

Однако на основании аналогичных древнегреческих и древнеиндийских примеров Томас Криш реконструирует для общиндоевропейского уровня схему предложения, при которой клитики распределяются между абсолютным началом предложения и другой позицией, которая привязана к относительным или вопросительным местоимениям или подчинительным союзам (Krisch, 1990, p. 69). Схема Криша может быть интерпретирована как частный случай правила барьеров Зализняка. Напрашивается вопрос: какие из правил постановки барьеров (границ колонов) можно реконструировать как общиндоевропейские, а какие – как внутриязыковые инновации? Хеттский, например, не знает случаев упомянутого распределения, все энклитики ставятся относительно абсолютного начала предложения (Krisch, 1990, S. 73). Ясно, что решение этих вопросов требует дальнейших исследований.

Дополнительное условие к данной схеме (помимо энклитик в первой группе может стоять только *одно* слово, а не разветвленная синтаксическая структура – Krisch, 1990, S. 73) автор аргументирует отсутствием примеров в древнегреческом. Однако примеры такого рода находятся ср., хотя бы из приведенных в (Fraenkel, 1964, 115 ff.): Thuc. 4, 59, 2; Aesch. Agamemnon 1018; Hippocr. P. ARCH. INTR. 5, 5 (по Kuehlewein); Antiphon tetral. 2, 3, 9; *ibid.* 3, 3, 5; Aeschines 3, 221 f. Кроме того, мне удалось найти у Гомера:

(1) IL 5 65 τῶν μὲν μηριῶν τε δὲ κατὰ μαρπτε διῶκων IL 5 66 βεβλῶκει...

(2) IL 5 748 ὅρη δὲ μὲν στιγὴ θοῶς πέμα' ἐτ' ῥ' ἵππους

(3) IL 11 404 ὅ μοι γὰρ τὸ πᾶθω μὲν γὰρ μὲν κακὸν ἂν κε φῶμαι

(4) IL 14 72 οὐδὰ δὲ νῦν τε τοῖς μὲν ἢ μὲς μακρῶσι θεοῖσι

(5) IL 17 657 βῶ δ' ὅναι ἢς τῶς τε λῶν ἢ πᾶς μεσσαῖοιο

Примеры такого рода в древнерусском можно найти в (Янин, Зализняк, 1993, 288).

Русская традиция, как правило, следует терминологии А.А. Зализняка (Циммерлинг, 2002; Кисилиер, 2003): «правило барьера». Подобные выражения встречаются и у зарубежных авторов: «frontière phonétique» (Ruijgh, 1990, впрочем, необходимо отметить, что в своей статье, описывающей действие ЗВ в языке Гомера, из всех перечисленных выше способов образования колоннов этот автор упоминает только «тематические группы»). Ср. также (Halpern, 1996, p. X). Термин «колон», употребительный в зарубежной литературе (помимо упоминавшихся работ Френкеля см., например, Marshall, 1987; Adams, 1994b; Watkins, 2002), в русской используется не часто, например в работах (Красухин, 1997; Красухин, 2005).

Правила, описанные нами в данном разделе, отражают «несовпадение начала синтаксической и фонетической фразы» (Циммерлинг, 2002, с. 162). Иначе выглядят объяснения в рамках генеративной грамматики. Ряд исследователей полагают, что в описанных случаях имеет место разделение клитик на группы, относящиеся к разным уровням синтаксической структуры. Сформулированный впервые, по-видимому, в работе (Hale, 1987a) (на материале древнеиндийского), такой подход был принят во многих последующих работах, таких, как (Garrett, 1990; Taylor, 1990; Krisch, 1997; Krisch, 2002; Krisch, 2004). В формулировке Хальперна часть клитик «присоединяется к CP (complementizer phrase), а другая часть «к IP (inflectional phrase)» (Halpern, 1995, p. 37).

Для удобства анализа, как правило, принимается, что выбор участка текста, на котором занимается соответствующая позиция, обусловлен семантической и синтаксической ассоциированностью данного слова с данным участком. В традиционном представлении закон Вакернагеля регулирует постановку энклитик, относящихся ко всему предложению синтаксически и по смыслу. Такие энклитики называют «сентенциальными» / «нелокальными» (Циммерлинг, 2002, с. 161) (эн)клитиками / энклитиками «основного типа» (Зализняк, 2004, с. 45) / «вакернагелевскими» энклитиками (Krisch,

1990) в противоположность «локальным» или «невакернагелевским»¹.

В принципе можно расширить понимание вакернагелевской позиции, так как энклитики в древних индоевропейских языках иногда занимают вторую позицию и в других синтаксических группах, с которыми ассоциируются. Ср., например, в латинском:

(6) *nam deum non par videtur facere, delictum suom suamque ut culpam expetere in mortalem ut sinat* (Plautus, *Amphitruo* 493–495) – где союз *que* связывает прямые дополнения, *suam culpam* и *delictum suom*,

или в греческом:

(7) OD X 142 $\nu\theta\alpha \tau\tau' \kappa\beta\upsilon\tau\epsilon\varsigma \delta\omicron \tau' \mu\alpha\tau\alpha$ $\kappa\alpha \delta\omicron \upsilon\kappa\tau\alpha\varsigma$ – где энклитический союз *τε* также соединяет однородные члены предложения и стоит после определяющего слова перед определяемым (выделены).

Особого рассмотрения заслуживает случай, когда энклитика, относящаяся к меньшему синтаксическому единству или даже к отдельному слову, стоит так, как если бы она относилась к большему синтаксическому единству. Такое явление в древнегреческом было замечено уже Вакернагелем (Wackernagel, 1892, S. 335–336, 367–368, 371, 397). В генеративистской терминологии данный процесс часто рассматривается как *clitic climbing* (см., например, анализ этого явления в итальянском в Anderson, 2005, p.245–247). Для определенных клитик в некоторых языковых системах такой процесс скорее правило, чем исключение (Taylor, 1990) (древнегреческий), (Kaisse, 1982) (тагальский, сербо-хорватский, Ngiyambaa).

Итак, вакернагелевская постановка энклитик регулируется сложными механизмами фразового (синтагматического) членения.

2. Характеристика элементов, попадающих под действие ЗВ

Вместе с тем определение слов, попадающих под действие ЗВ, так или иначе соотносится с членением другого уровня, выделением в тексте просодического материала, который составляет некоторые автономные единства, «тактовые группы» = «фонетиче-

¹ Хейл (Hale, 1987a) называет вакернагелевскими также клитики, относящиеся к отдельному элементу, вынесенному в начало предложения.

ские слова» (Янин, Зализняк, 1993, с. 280), (Зализняк, 2004, 54), (Циммерлинг, 2002). Неоднократно подчеркивалось, что статус клитик не определяется их безударностью (Янин, Зализняк, 1993, с. 280), «тактовая группа имеет единое ударение (при этом в части случаев оно реально падает на клитику)», ср. хотя бы (Zwicky, 1977, p. 14; Nevis, 1994, p. VIII; Devine, Stephens, 1994, p. 368; Klavans, 1995, p. 119; Anderson, 2005, p. 24)¹.

Проблема выявления просодических единиц и установления просодической иерархии чрезвычайно сложна. Из современных работ можно указать (Selkirk, 1981, 1984; Nespor, Vogel 1986) – критический обзор которых см. в (Anderson, 2005, 39 ff.). Вопрос о клитиках специально рассматривается в (Peperkamp, 1997) и (Vigário, 2003).

Напомним, что просодический критерий для самого Вакернагеля не был решающим. Первый (и основной) этап его анализа сосредоточен на позиции энклитических слов² (Wackernagel, 1892, S. 335–377) древнегреческого языка, далее оказывается, что аналогичная позиция свойственна группе слов, традиционно считающихся оротоническими (ударными), $\square v$, $\square p$, $\square pa$, $\alpha \square$, $\gamma \square p$, $\delta \square$, $\delta \square ta$, $\mu \square v$, $\mu \square v$, $o \square v$, $to \square vuv$ (Wackernagel, 1892, S. 377)³. Тем самым правило, установленное для энклитических слов, переносится и на некоторые другие слова. Эти слова Вакернагель обозначает как «den Enklitika gleichstehende Partikeln» (Wackernagel, 1892, S. 335), «Quasi-Enklitika» (Wackernagel, 1892, S. 371), Enklitoiden (Wackernagel 1892, S. 378), Monosyllabon (Wackernagel, 1892, S. 392) «kleinere schwachtonige Wörter» (Wackernagel, 1943, S. 8), «postpositive Partikeln» (Wackernagel, 1892, S. 377).

¹ Андерсон приводит показательный пример из новогреческого (*dóse* = *mú* = *to*), где *mú* и *to* – энклитики. Такого рода примеры следует отличать от сдвига фразового акцента, при котором клитика, по сути, заменяется своим ударным вариантом, – процесс, опознаваемый иногда даже в мертвых языках (Кузнецов, 2006, с. 117).

² В традиционном смысле, восходящем к греческим грамматикам (Apollonius Dyscolus II. 186. 4; Herodian etc.), как акцентно не автономных слов.

³ В последнее время предпринимались попытки «вернуть» энклитический статус некоторым из этих слов (Krisch, 1990, S. 75–76; Devine, Stephens, 1994, p. 354).

Последнее определение особенно важно, так как здесь мы сталкиваемся с *дистрибутивным* критерием, отличительное свойство так называемых постпозитивных¹ слов – невозможность стоять на первом месте предложения (там же). Это свойство объединяет постпозитивы с энклитиками. Особую значимость этот критерий имеет для исследования мертвых языков (на материале которых и был сформулирован ЗВ) – поскольку дистрибуция слов в предложении для нас наблюдаема, в отличие от фонетического материала.

Дистрибутивный критерий позволил классифицировать древнегреческий материал на три основные группы (Dover, 1960, 12 ff.): постпозитивы (в указанном смысле), препозитивы («зеркальная» группа, слова, не способные стоять на конце предложения) и «мобильные» (не ограниченные таким образом) слова, среди которых выделяется особый класс, *preferential words*, которые «непропорционально часты у начала предложения» (Dover, 1960, 20). Соответствующая классификация до сих пор релевантна для исследования явлений ЗВ в древнегреческом языке (Ruijgh, 1990; Watkins, 2002, p. 323). Вопросом остается, стоят ли за этой классификацией определенные просодические свойства. Так или иначе, они трудноустановимы, ср. (Ruijgh, 1990, p. 214). Все энклитики – постпозитивы, но обратное можно утверждать только на уровне гипотез.

Различие между энклитиками и постпозитивами не влияет на эффект ЗВ. Не-энклитические элементы, следующие ЗВ, находятся и в латинском, и в древнеиндийском² – однако термин «постпозитивы» применяется по отношению к этим языкам редко, но см., например (Hackstein, 1997), (Adams, 1994b). Рассуждения Вакернагеля во второй половине статьи стремятся к установлению «обратной связи», вторая позиция – показатель энклитичности (ср., например, «enklitische Stellung» – Wackernagel, 1892, S. 413).

В современной лингвистике энклитики и постпозитивы в смысле Вакернагеля рассматриваются как клитики. Это обусловле-

¹ Этот термин также восходит к античным грамматикам (Apollonius Dyscolus, *De pronomibus*, *Gramm. Graec.* II, I, p. 35 Schneider); Вакернагель ссылается на Крюгера – без указания труда.

² Обсуждение древнеиндийских фактов см. (Gippert, 2004).

но тем, что современная теория клитик и клитикализации восходит именно к статье Вакернагеля, см. (Nevis, 1994, VI ff.), где прекрасно излагается история изучения феномена клитикализации, интерес к которому чрезвычайно возрос в последние 30 лет.

Литература по теме клитик необозрима. В рассмотрение принимаются «морфемы, представляющие трудности для анализа, поскольку они и не очевидные независимые слова, и не аффиксы»¹. По-видимому, отсутствовать такие элементы могут лишь в языках строго изолирующего типа. В более общей форме клитики характеризуются как элементы «недостаточные», «ущербные», «зависимые» и т.п. в том или ином отношении. (Причем критерий выявления этой «ущербности» часто – сопоставление с «полноценными» словами.) «Неполноценность» может проявлять себя на лексическом, морфологическом, синтаксическом и фонологическом уровнях (Nevis, 1994, p. XX) – при таком общем подходе клитики считаются универсалией.

Проблемы теории клитик близки проблемам изучения ЗВ: и в том, и в другом случае требуется комплексный анализ², при этом сами явления трудноуловимы. В то же время теоретические обобщения, в том числе типологические, позволяют взглянуть на ЗВ в новом ракурсе.

Типология Арнольда Цвики

Программной стала статья (Zwicky, 1977), где разрабатывается типология клитик. В основе классификации – способы взаимодействия клитик с их полноударными вариантами³: 1) («special clitics») клитики – безударные варианты ударных слов, с тем же значением и *сходным* звучанием, но не способные появляться в контексте синтаксического или семантического выделения, – в таких контекстах нужны полноударные варианты. Однако не всегда в таких контекстах ударные варианты непременно исключают

¹ Zwicky, 1977, S. 1; ср. также Nevis, 1994, p. XII; Klavans, 1995, p. 117; Aikhenvald, 2002, p. 42–43.

² Ср. Klavans, 1995, p. 5.

³ Заметим, что этот критерий использовался и ранее (Nida, 1946 и др.), см. (Klavans, 1995, p. 59–61).

клитики, ср. новогр. *eséna (su)díno ena mílo* (Zwicky, 1977, 4). Клитики этого разряда характеризуются особыми правилами постановки в предложении, ‘special syntax’, который определяется как особый по отношению к *грамматически* равнозначным формам неклитических (как правило, полнозначных) слов; 2) («simple clitics») клитики – редуцированный вариант «полноценных слов». Это чисто фонологическое явление, *возможное* (но в принципе грамматически не обязательное) в определенном стиле речи и в определенном синтаксическом контексте. Опять же, в эмфатическом контексте может появиться только неклитический вариант. Позиция такой формы ничем не отличается от позиции неклитического варианта; 3) («bound words») – слова, не имеющие ударные варианты. «Такие несвободные слова нередко ассоциируются семантически с целой фразой, прикрепляясь фонологически к одному из ее слов»¹ (Zwicky, 1977, S. 6). Представленная здесь в чрезвычайно упрощенном виде типология Цвики содержит ряд противоречий, на что неоднократно указывалось, см., в частности, (Klavans, 1995, p. 48–59; Anderson, 2005, 76).

Согласно (Zwicky, 1977, S. 18), направление фонологического примыкания может меняться. По-видимому, это верно только в отношении simple clitics. Чередование «проклизы» или «энклизы» с «эндоклизой» (термин введен Цвики) оспаривается, например, в (Klavans, 1985, 115; Klavans, 1995, p. 98). Однако новейшие исследователи все же принимают существование эндоклитик, наиболее ярким примером которых признаются удинские показатели согласования (Anderson, 2005, p. 152–165).

Из трех классов Цвики только simple clitics не имеют отношения к ЗВ. Действие ЗВ может распространяться на оба других класса в пределах одного языка, так, Зализняк (Янин, Зализняк 1993, с. 290–292) подробно описывает условия, при которых в древнерусском языке должен появиться полноударный вариант клитики, если таковой имеется. Согласно ему же (Янин, Зализняк 1993, с. 291) полноударным вариантом может служить даже форма, не похожая на клитику внешне, но эквивалентная ей по значению.

¹ «Frequently, such a bound word is semantically associated with an entire constituent while being prosodically attached to one word of this constituent».

Типология Клаванс

Статья Юдифь Клаванс в журнале «Language» (Klavans, 1985) стала основополагающей в современных исследованиях места клитик во фразе. Статья представляет собой сжатый вариант одной из глав диссертации 1980 г., вновь опубликованной с дополнениями и переработками в 1995 г. (Klavans, 1995). В основе теории – тезис о принципиальной независимости синтаксических параметров от фонологических: «Место клитики определяется ее отнесенностью к определенной синтаксической и морфологической структуре, в то время как примыкание клитики – ее фонологическая характеристика» (Klavans, 1985, p. 100). Постановку клитик в фразе можно анализировать при помощи последовательно определяемых параметров, которые мыслятся как строго бинарные (Klavans, 1995, 100):

лексический параметр:

1) некоторые слова классифицируются как 'клитики';

синтаксические параметры:

2) синтаксическая группа, в пределах которой определяется место клитики (далее для удобства мы будем использовать обозначение «синтаксическое поле» клитики);

3) в пределах установленной синтаксической группы выбирается первый vs. последний элемент, к которому присоединяется клитика (это может быть или синтаксическая группа, или слово)¹;

4) положение относительно элемента, выбранного согласно третьему параметру, перед vs. после;

фонологический параметр:

5) направление фонологического примыкания, проклиза vs. энклиза – индивидуальное свойство клитики.

Хотя автор утверждает (Klavans, 1995, p.108), что система задает не больше восьми вариантов, строго говоря, бинарны только четвертый и пятый параметры. Особую сложность представляет исследование возможностей третьего и четвертого параметров – в ваернагелевском контексте покрываемых выражением «вторая позиция», см. далее пункт 3 нашей работы.

¹ Причем этот выбор может иметь «внешнюю мотивацию» (Klavans, 1995, p. 10–107).

Сам автор признает, что анализ позиции клитик в фразе не исчерпывается этими параметрами (Klavans, 1995, p. 118), однако их ценность как инструмента анализа несомненна. Работа Клаванс представляет собой попытку сформулировать *универсальные* параметры описания позиции клитик, в то же время разряды клитик в духе типологии Цвики, согласно Клаванс, представляют собой модификации первого параметра (Klavans, 1995, p. 118–119). Поэтому рассматривать систему параметров Клаванс как специфическую только для одного какого-то разряда клитик, а не для клитик в целом, как это делает (Anderson, 2005, p. 79), несколько противоречит замыслу ее автора.

Второй параметр в принципе допускает несколько значений, sentence / clause – некая синтаксическая группа меньше предложения, в том числе одно слово – *любой* синтаксический элемент внутри предложения / синтаксической группы, меньшей, чем предложение. Важно, что в любом случае речь идет о синтаксическом элементе, но не лексическом. Второй и первый параметры исключены в статье (Klavans, 1985), поскольку, как указал автор, они «в сущности, лексически закреплены»¹. Однако постоянство выбора клитикой своего синтаксического поля не очевидно. Некоторые клитики в принципе «подвижны» и не закреплены за определенным синтаксическим полем. Например, латинская энклитика -que свободно присоединяется и к отдельному слову:

(8) dies noctesque (Cicero, Pro Roscio 6), и к сложной синтаксической группе меньше предложения,

(9) attente bonaque cum venia (Cicero, Pro Roscio 10), и к предложению (clause),

(10) Postea quam victoria constituta est ab armisque recessimus (Cicero, Pro Roscio 16),

(11) Di tibi omnis omnia optata offerant, cum me tanto honore honestas cumque ex vinclis eximis (Plaut. 355–356).

Напротив, для некоторых клитик не существует альтернативы, их синтаксическое поле неизменно. Так, древнерусские энклитики разделяются Зализняком на две группы, вакернагелевские и невакернагелевские. Первые относятся «к сказуемому (или, что то

¹ «Actually part of the lexical entry of any lexical item» (Klavans, 1995, p. 7).

же самое, к предложению в целом)», вторые – «к другим членам предложения» и «следуют непосредственно за той словоформой, к которой относятся» (Янин, Зализняк, 1993, с. 281, 286).

Еще более сложна идея синтаксической и семантической ассоциации клитики с тем синтаксическим полем, относительно которого определяется ее позиция. Известны примеры, когда синтаксическая группа, относительно которой определяется местоположение клитики, и синтаксический элемент, с которым клитика ассоциирована семантически и синтаксически, прямо не совпадают. Так, в древнегреческом,

(12) IL V 897 ε□ δ□ τευ □ξ □λλου γε θε□v γ□νευ
□δ' □δηλος...

(13) OD I 217-218 □ς δ□ □γ□ γ' □φελον | μ□καρ□ς v□ τευ
□μμεναι v□□ς □v□ρος...

– где неопределенное местоимение и существительное, к которому оно относится, выделены, а вертикальная черта показывает границу колона (ритмико-синтаксический барьер);

(14) IL XVI 263 το□ς δ' | ε□ περ παρ□ τ□ς τε κι□v □vθρωπος
□δ□της

IL XVI 264 κιν□σ□ □κων ο□ δ' □λκιμον □τορ □χοντες...

(15) IL VII 159 □μ□ων δ' | ο□ περ □ασιν □ριστ□ες
παναχαι□v...

(16) IL XVI 847 τοιο□τοι δ' | ε□ π□ρ μοι □ε□κοσιν
□vτεβ□λησαν...

– с выделительной частицей περ, относящейся к конкретной словоформе (выделена). Примечательно, что эти «локальные» клитики стоят в данных примерах именно в вакернагелевской позиции.

Итак, ЗВ в рамках пяти параметров Клаванс предстает как одна из (как минимум) восьми принципиально мыслимых возможностей помещения клитик в высказывании. Такова картина, если значение второго параметра строго определено как «предложение» – как это имел в виду Вакернагель. Однако в принципе клитики могут занимать аналогичное положение и во фразах меньших, чем предложение. Ср. уже приводившийся пример (9):

attente bonaque cum venia (Cicero, Pro Roscio 10).

На втором месте в предложении в принципе могут располагаться не только сентенциальные клитики, сюда же могут попадать

и клитики, относящиеся к отдельной синтаксической группе, которая стоит в начале предложения, или отдельному слову, занимающему первую позицию.

Относительно пятого параметра трудно утверждать что-то определенное в отношении древних языков, ср. (Adams, 1994b, p. 1). Важно, что для описания позиции соответствующих слов этим параметром в принципе можно пренебречь («optional» – Klavans, 1995, p. 124). Автор переводит вакернагелевское выражение «Quasi-Enclitika» как «optionally enclitic», хотя понятия «quasi» и «optionally» не совпадают. В случае с Quasi-Enclitika для пятого параметра можно предложить и значение «неопределен».

Специфика древних языков в том, что у нас нет прямых данных об их фонетике. Их фонетические свойства доступны нам лишь по косвенным сведениям, таким как: 1) диакритики, 2) метрика, 3) музыкальные документы, 4) данные грамматиков. И хотя эти данные должны тщательно изучаться, их неполнота и часто ненадежность очевидны. Вероятно, большей определенности можно ожидать от правил линейной дистрибуции слов.

Метод Клаванс оказался чрезвычайно продуктивен, а система параметров неоднократно пересматривалась и дорабатывалась. Во-первых, кроме постановки относительно первого или последнего элемента (в рамках третьего параметра), засвидетельствована еще постановка относительно «синтаксической вершины» соответствующей синтаксической группы (Anderson, 1993, p. 75), где приводятся в качестве примеров романские местоименные клитики и финская неместоименная клитика *kin*. См. также (Anderson, 1992; Zwicky, 1987; Nevis, 1986; Kaisse, 1985). Однако такие примеры, по мнению Андерсона (Anderson, 2005, p. 80), не означают, что следует принять еще одно, третье, возможное значение для третьего параметра. Можно анализировать такие примеры иначе: клитика выбирает в качестве своего синтаксического поля не фразу в целом, а ту ее часть, которая составляет вершину этой фразы¹. Речь идет, как правило, о группе глагола.

Итак, анализ сентенциальных клитик амбивалентен и предполагает две возможности: 1) позиция клитик использует понятие

¹ Ср. анализ испанских местоименных клитик в (Klavans, 1985, p.102).

«фраза» или «предложение» для своего определения; 2) позиция клитик использует понятие «глагол (сказуемое)». По-видимому, такая амбивалентность – свойство самого языка. Языки вакернагелевского типа могут допускать постановку некоторых энклитик и относительно целой фразы, и относительно (непосредственно справа от) глагола (сказуемого). Ср. анализ местоимений *sīm* и *me* в языке Ригведы (Hale, 1987b, 76), анализ древнерусской клитики *сѧ* (Янин, Зализняк 1993, с. 292–296; Зализняк, 2004, с. 50–65), древнегреческой частицы *AN* (Wackernagel, 1892, S. 378–402).

Амбивалентный анализ допускает в принципе любая сложная синтаксическая группа, клитика может выбирать в качестве своего синтаксического поля как группу в целом, так и ее главное слово, ср. (Kaisse, 1985, p. 82–83).

Во-вторых, необходимо более подробное и точное описание того элемента, относительно которого определяется позиция клитики. Формулировка «одно слово» указывает клитике позицию в линейных терминах. В то же время анализ в просодических терминах может быть более адекватен, «it may be necessary to allow this (the *first* (or *anchoring*) element) to be a prosodic constituent (PWord, PPhrase, possibly even IntPhrase)» (Anderson 2005, p. 108). Более подробное обсуждение см. далее (раздел 3).

Подход Андерсона

С критикой системы Клаванс выступил С.Р. Андерсон (Anderson, 2005, p. 79–82). Согласно Андерсону, синтаксические и фонологические параметры поведения клитик не только необходимо рассматривать *per se*, но они и могут действовать по отдельности, не вместе¹ (Anderson, 1993, p. 82; Anderson, 2005). Некоторые лексические единицы характеризуются неспособностью образовывать структуру на уровне просодического слова (Anderson, 2005, p. 23). Для некоторых слов действуют специфические правила постановки в фразе, отличающиеся от правил постановки иных единиц языка (Anderson 2005, p. 31). Первые Андерсон называет

¹ Клаванс подобным образом анализирует позицию Quasi-Enklitika в индоевропейском: «Clitic positioning can occur without clitic attachment» (Klavans, 1985, p. 113).

«фонологические клитики», вторые – «морфосинтаксические» («синтаксические», «специальные» клитики – *special clitics*). «Большинство специальных клитик одновременно относятся и к фонологическим клитикам» (Anderson, 2005, p. 76)¹, но обратное не верно.

Альтернативная теория клитик базируется на принципиальном сходстве клитик и аффиксов² (Anderson, 1992; Anderson, 1993, 77; Anderson, 2005). Специальные клитики относятся к «фразовой морфологии» (Anderson, 2005, p. 82–106), и их позиция может анализироваться в рамках теории оптимальности (Anderson 2005, p. 127–176). Анализ второй позиции и синтаксического поля клитик в рамках этой теории см. (Anderson, 2005, p. 142; Anderson, 1995).

Параметры описания клитик разрабатываются также в работах (Циммерлинг, 2002), (Aikhenvald, 2002).

Просодическая классификация слов разрабатывалась также в работах (Jacobson, 1971), (Дыбо, 1975), (Дыбо, 1981).

3. Понятие «второй позиции»

Формулировка ЗВ традиционно пользуется словосочетанием «вторая позиция». Очевидно, однако, что данное определение нуждается в уточнении. В Новейшее время внимание к проблеме привлек Андерсон (Anderson, 1993, p. 72; Anderson, 1997). Ср. также (Taylor, 1990, 72).

Согласно Андерсону (Anderson, 1993, p. 72; Anderson, 1997, p. 7; Anderson 2005, p. 108), собственно «вакернагелевская позиция», в том смысле, в котором о ней говорил Вакернагель, – «после первого слова», а не после первого *синтаксического составляющего*. И все-таки понимание Вакернагеля сложнее, вторая позиция даже тогда «вторая», когда данное слово «отделено от первого энклитиками или позиционно-равными-энклитикам (*Enklitika gleichstehende*) частицами» (Wackernagel, 1892, S. 335). Иными словами, абсолютно линейное понимание тоже не подходит.

Идея, что ЗВ и порядок слов, не учитывающий синтаксические связи, это смежные явления, принадлежит еще Вакернагелю.

¹ «Most special clitics are also phonological clitics».

² Сама эта идея не столь нова, ср.: «Cliticization is actually affixation at the phrasal verb» (Klavans, 1985, p. 117).

Примеры, когда клитика «разрывает» слова, связанные синтаксическими связями, Вакернагель считал особенно «доказательными» для своего закона (Wackernagel, 1892, 337 ff., 345, 358 ff., 364–365, 369 etc.). Это осталось незамеченным многими современными исследователями, которые, как указывает Андерсон (Anderson, 1993, p. 72) со ссылкой на Вакернагеля, часто говорили о второй позиции в чисто синтаксических терминах, т.е. как о позиции после первого синтаксического составляющего во фразе¹.

Одним из первых типологический анализ второй позиции предложил (Zwicky, 1977). На основании примеров из вальпири, сербохорватского, тагальского и пашто Цвики заключает: «Несомненно, вторая позиция может интерпретироваться и как-то иначе в других языках. Важно, однако, что клитики присоединяются к некоторому ударному элементу (составляющему предложения, любому составляющему, слову, слогу)» (Zwicky, 1977, S. 20). Однако, как известно, многие языки способны объединять клитические и «возможно-клитические» слова в цепочки, получающие единое ударение². Очевидно, что просодическая характеристика «первого элемента» зависит от способа организации тактовой группы (той просодической единицы), в состав которой входят, «образуя конечную часть этой тактовой группы» (Янин, Зализняк 1993, с. 281), слова, подчиняющиеся ЗВ³.

В принципе мыслимы три возможные трактовки второй позиции:

– синтаксическая, после первого синтаксического составляющего;

¹ Напомним, что Клаванс допускает для третьего параметра (первого в системе Клаванс – Klavans, 1985) обе возможности: первый либо последний синтаксический элемент *или слово* (Klavans, 1995, p. 104; Klavans 1985, p. 101). Определяя, однако, данный параметр как синтаксический, Клаванс упоминает только первую возможность (Klavans, 1995, p. 117; Klavans, 1985, p. 97).

² Например, древние индоевропейские языки: древнерусский (Янин, Зализняк, 1993, с. 288–290), древнегреческий (Devine, Stephens, 1994, p. 374–375), латинский (Кузнецов, 2006, с. 34, 117).

³ Напомним, что, как показала Клаванс, анализ второй позиции может быть интегральным и включать как энклитики, так и проклитики (и даже, вероятно, акцентированные слова: Klavans, 1985, p. 109–110).

– фонологическая, в пределах первой тактовой группы (в более общих терминах, первой просодической единицы – ср. (Anderson, 2005, p. 81), «после первого просодического слова / просодической фразы») в качестве ее конечной части;

– линейная, после первого слова в лексическом смысле.

Древние индоевропейские языки чаще предпочитают два последних варианта. Проблема усложняется ограниченностью наших сведений о фонетике этих языков. Фонологическая трактовка второй позиции находится и за пределами индоевропейских языков, например в индейских (Halpern, 1995, p. 17). В противоположность языкам с «синтаксической» трактовкой второй позиции, таким, как чешский (Fried, 1991), языки с «фонологической» трактовкой нарушают принцип неразрывности синтаксических составляющих. В генеративистской литературе явление обозначается *split constituents* – впрочем, в рамках теории неконфигурационности, сформулированной впервые Кеннетом Хале (Hale, 1983), такое понятие не требуется, при таком подходе все, что бы ни стояло перед клитикой, считается единым синтаксическим конституентом.

Некоторые языки допускают вариативную трактовку второй позиции, например сербохорватский (Anderson, 2005, p. 110–111) или, за пределами индоевропейской семьи, тагальский (Anderson, 2005, p. 165), пашто (Anderson, 2005, p. 152–154), Luiseño, Ngiyambaа, вальпири (Halpern, 1995, 16 со ссылками на соответствующие описательные работы).

Разумеется, амбивалентность второй позиции может быть связана с совпадением синтаксических / фонологических / лексических границ. Так, Хальперн обращает внимание на амбивалентность примеров с первым словом предложения, представляющим целый синтаксический конституент (Halpern, 1995, p. 14).

Именно типология второй позиции создает серьезные препятствия для чисто синтаксического подхода к клитикализации (Anderson, 1997, 6; Anderson, 1995, 5; Anderson, 2005, p. 83, 108; дальнейшее обсуждение см. Anderson, 2005, p. 116–126; Bošković, 2000; Bošković, 2001; Halpern, 1995, p. 13–97; Halpern, 1996).

4. Проблема рангов

Последовательность энклитических элементов¹ во второй позиции во фразе строго фиксирована. Первые наблюдения над регулярностью порядка слов, подчиняющихся ЗВ, принадлежат самому Вакернагелю (Wackernagel, 1892, S. 369, 379 etc.). По замечанию Зализняка, «с типологической точки зрения этот принцип является нормой, а не чем-то исключительным» (Янин, Зализняк, 1993, с. 281).

Важно, что этот принцип действует в языках как со строгим порядком слов (как, например, хеттский), так и со свободным (как древнегреческий или древнерусский, или Ngiyambaa (Anderson, 2005, p. 75).

Русские исследователи используют, как правило, термин «ранги», введенный Зализняком: «Любая единица меньшего ранга стоит левее любой единицы большего ранга» (Янин, Зализняк, 1993, с. 282); «правило рангов» (Циммерлинг, 2002). В англоязычной литературе явление обозначается как «templatic ordering» (например, Halpern, 1995), «template» (Hock, 1996, p. 210), «clusterization rules», «ranking rules».

Способ организации цепочек клитик в разных языках все еще недостаточно исследован. Важно, однако, что, по-видимому, элемент произвольности свойствен в той или иной степени *всем* системам рангов². Термин *template*, используемый в генеративистской литературе, указывает именно на это свойство. Иначе говоря, по-видимому, не встречается систем, в которых порядок рангов может *полностью* описываться в синтаксических или фонологических категориях³. Описание со ссылкой на морфологические категории,

¹ «Цепочки энклитик» (Янин, Зализняк, 1993, с. 281), «clitic strings», например (Hock, 1996, p. 210), «clitic clusters» (Halpern, 1996) и др.

² «Clitics generally appears in a fixed, at least partially arbitrary, order with respect to one another» (Halpern, 1995, p. 192); «...the ordering of clitics from the same domain does not in general respect the prediction in any principled way» (ibid., p. 193).

³ Впрочем, как указывает Андерсон (Anderson, 2005, p. 126), в своей неизданной работе Стенли Инслер (Stanley Insler) выявил несколько фонологических механизмов, которые *целиком* ответственны за порядок клитик в санскрите. Ранее

напротив, как показывает (Halpern, 1995, p. 191–222), совместимо с принципом произвольности.

Как примеры языков, где упорядочение клитик в той или иной степени мотивировано их фонологическими свойствами, часто приводят Yir-Yoront, санскрит и тагальский (Anderson, 2005, p. 125–126).

Схема, восстанавливаемая для индоевропейского в (Krisch, 1990, S. 73; автор работает в рамках генеративной грамматики), «союзные – прочие энклитики» – не позволяет делать какие-либо существенные обобщения.

Классическим трудом, обосновывающим тезис о том, что порядок клитик не порождается синтаксическими механизмами, стала в генеративистской литературе работа (Perlmutter, 1971). Как и несинтаксическая трактовка второй позиции, упорядочение клитик вне синтаксических категорий указывает на отсутствие параллелизма между синтаксическими ролями и линейным порядком слов. Это, в свою очередь, означает действие в языке параметра неконфигурационности. Синтетические языки ожидаемо будут показывать действие этого параметра. Так, попытки синтаксического подхода к рангам клитик в сербохорватском и болгарском нельзя признать вполне удачными; ср. (Halpern, 1995, p. 213, прим. 15; Hock, 1996, p. 210–211).

Тем не менее, если клитики относятся к синтаксическим единствам разного уровня, их порядок может отражать синтаксическую иерархию (Halpern, 1995, p. 193). При этом клитики, относящиеся к меньшему синтаксическому единству, обычно ставятся ближе к опорному элементу, чем относящиеся к большему синтаксическому единству: Хальперн (Halpern, 1995, p. 227) приводит примеры из болгарского, Ngiyambaa, Ottawa и санскрита. Проявлением этого типологического параметра можно считать постановку «невакернагелевских» энклитик до вакернагелевских в начальной цепочке энклитик в древнерусском (Янин, Зализняк, 1993, с. 286) и других древних индоевропейских языках (Krisch, 1990, S. 72). В этом отношении показательна и вакернагелевская последовательность MEN GAR в древнегреческом: обычно значение

этот предмет вызвал ожесточенные споры, см. (Hock, 1996, p. 213–230; Schäufele, 1996; Hale, 1996).

частицы GAR распространяется на всю синтаксическую конструкцию, распадающуюся на две части, первая из которых маркируется частицей MEN, а вторая – DE, (Ruijgh, 1990, p. 218). Однако ср. анализ хеттских цепочек клитик в (Luraghi, 1990, p. 35).

Принцип взаимоисключающих элементов в цепочках клитик – важный аспект теории клитик вообще. Как указывает Хальперн (Halpern, 1995, p. 192), этот принцип не имеет ничего общего с принципом семантической или синтаксической несовместимости. Этот принцип – один из критериев ранга. В то же время в определенных контекстах клитики одного ранга *могут* появляться в одной цепочке одновременно, а именно, если они относятся к разным синтаксическим единствам (Halpern, 1995, p. 228). Однако такая ситуация встречается не всегда, «в нашем конкретном случае, т.е. в системе древнерусских энклитик, положение таково: две энклитики одного и того же ранга в рамках одной тактовой группы несовместимы» (Янин, Зализняк, 1993, с. 282).

Из сказанного следует вывод, что ранговый принцип в строгом смысле действует внутри группы клитик, относящихся к одному и тому же синтаксическому единству¹. По нашему мнению, такая закономерность отражает еще более общий закон, ранговый принцип может регулировать только последовательности *однородных* элементов. Сомнительным представляется анализ в терминах рангов для группы, состоящей из энклитик и проклитик, как, например, в (Ivanov, 1999, p. 5–6).

Конгломераты клитик сравнивают с цепочками аффиксов. На сходство указывает как строгая упорядоченность этих элементов, так и их потребность в «опорном» элементе. Попытки единообразного описания групп клитик и групп аффиксов представлены в (Anderson, 1992; Anderson, 1993; Halpern, 1995, p. 191–231; Anderson, 2005, p. 169–173).

Согласно (Nevis, 1994, p. XIX), требованию рангов «подчиняются только элементы, заполняющие вторую позицию, причем

¹ «...clitics from a single domain are, cross-linguistically, ordered arbitrary» (Halpern, 1995, p. 193). Здесь можно заметить аналогию с аффиксами: «Morphological conditions or interactions between two bound morphemes indicate that the two morphemes are part of a single lexical item (or morphological word)» (Halpern, 1995, p. 192, ср. там же, p. 214).

без исключений»¹. Тезис представляется спорным. На самом деле, клитики, располагающиеся во второй позиции, просто чаще всего привлекали внимание исследователей. Вероятно, дальнейшие исследования смогут выявить фиксированный порядок клитик друг относительно друга и в иных позициях. В принципе анализ в терминах рангов может быть применим к любой группе однородных элементов.

А.В. Циммерлинг (Циммерлинг, 2002, с. 162) так интерпретирует феномен скопления энклитик: «дистрибуция дублетов (речь идет о полноударных дублетах клитик в описании Зализняка (Янин, Зализняк 1993, с. 290–292). – М.В.) позволяет дать ключ к пониманию феномена цепочек энклитик типа *же ты ми ся дал*, занимавшего индоевропейцев со времен Дельбрюка и Вакернагеля; цепочку, оказывается, возможно интерпретировать как нарративный стереотип, генерализующий наиболее типичную коммуникативную стратегию. Порядок фразовых частиц в «вакернагелевском» языке так же, как линейные перестановки элементов, – параметр, отражающий зависимость фразы от широкого контекста». Нам представляется, однако, что не порядок частиц, а клишированность самих сочетаний отражает зависимость от контекста. Что касается *порядка*, то его грамматическая строгость едва ли укладывается в стилистические параметры.

5. Проблема объяснения: Что стоит за этими правилами

Сложность ЗВ, по нашему мнению, объясняется прежде всего тем, что этот закон описывает координацию, с одной стороны, просодических (ритмических, интонационных) и синтаксических сегментов текста, с другой стороны, – согласование сегментов разного масштаба.

Ритмико-просодическое понимание ЗВ было предложено еще самим Вакернагелем (Wackernagel, 1943, S. 90). Как указывает Ю.С. Степанов (Степанов, 1989, с. 228), важный компонент этой теории – «связь абстрактно характеризуемого порядка слов с интонацией и ритмом предложения».

¹ «It is only the second-position elements that are subject to the template requirements, and all of them are».

Линия Вакернагеля была продолжена К. Уоткинсом (Watkins, 1964), чью теорию так формулирует Циммерлинг (Циммерлинг, 2002, с. 159): «Принципы размещения членов предложения, экспонентом которых являются полноударные слова и клитики, относятся к разному уровню, правила размещения фразовых частиц отражают интегральную ритмизацию элементарного предложения, а правила размещения акцентно самостоятельных аргументов отражают требования вербального контекста... или коммуникативные операции по выделению элементов».

Для генеративной грамматики особый интерес представляет анализ второй позиции, особенно той ее разновидности, побочным эффектом которой становится разделение связанных синтаксически и по смыслу слов. Такая ситуация создает сложности для теории, которая предполагает, что порядок слов принадлежит исключительно области синтаксиса, а линейный порядок слов отражает иерархическую структуру синтаксических элементов. Варианты ответа принципиально разделяются на две группы: 1) постановка вакернагелевских слов регулируется некоторыми специальными механизмами; 2) структура синтаксических составляющих предложения не организована иерархически, тем самым и ограничения на порядок слов она не налагает¹. В более общей перспективе указанные подходы смежны с параметрами конфигурационности vs. неконфигурационности соответственно. Преобладает первый подход, более подробную классификацию подходов и их критический обзор на материале сербохорватского можно найти в (Bošković, 2000).

Реже ЗВ описывают в морфологических терминах.

Природа явления

ЗВ до сих пор остается одним из немногих общепризнанных правил порядка слов в индоевропейском (Watkins, 1964, p. 1036; McCone, 1997, p. 369; Krisch, 1990; Janse, 1993, p. 20). Одна из

¹ Нам представляется возможным и третий подход: порядок слов не обязательно должен отражать непосредственно синтаксические роли, которые тем не менее могут быть организованы иерархически (Encyclopedia, 2006, vol. 3, p. 24).

первых работ, где рассматривается типологическое (универсальное) значение ЗВ, – (Kaisse 1985, p. 75–89).

По-видимому, впервые типологическое понимание ЗВ предложил Е. Курилович на Восьмом конгрессе лингвистов в Осло¹ (ср. «эффект Вакернагеля – квазиуниверсалия»: Collinge, 1985, p. 218; Janse, 1990, p. 2646). Курилович высказал тезис о том, что генетические связи не обязательно ответственны за порядок слов, «не обязательно имеется прямая историческая связь между порядком слов СОЮЗ + ЭНКЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОИМЕНИЕ + ГЛАГОЛ в хеттском и ПРЕВЕРБ + МЕСТОИМЕНИЕ + ГЛАГОЛ в кельтском» (Proceedings 1958, p. 613). Аргументирует свой тезис Курилович следующим образом: «В староиспанском энклитическое местоимение ведет себя подобным образом, т.е. стремится занять второе место в предложении – несмотря на то, что в латинском отсутствуют аналогии». Между тем староиспанские местоимения, бесспорно, произошли от латинских. Можно предположить, что латинские местоимения не подчинялись строго ЗВ. Однако примеры вакернагелевской постановки находятся и для личных латинских местоимений (Wackernagel, 1892, S. 406–409)², и, хотя и реже, для указательных, в том числе, что особенно важно в связи с испанским, для местоимения *ille* (Wackernagel, 1892, S. 410, 412–413), и для неопределенных местоимений (Wackernagel, 1892, S. 413–416). Кроме того, сложно отрицать действие ЗВ в латинском. Конечно, оно не столь очевидно и тотально, как, например, в древнегреческом³, но примеры вакернагелевской постановки латинских энклитик и частиц приводятся уже Вакернагелем (Wackernagel, 1892, S. 351, 406–425).

И все же ЗВ действительно может рассматриваться как типологический параметр. Как уже говорилось, многие языки за преде-

¹ Proceedings, 1958, p. 613.

² Ср. (Adams, 1994a).

³ Ср. (Mallén, 2000, p. 200). В частности, в латинском принцип образования цепочек вакернагелевских слов не столь продуктивен, как в древнегреческом или хеттском: (Ramat, 1990, p. 17). Однако, согласно (Encyclopedia, 2006, vol. 6, p. 721), общее соответствие индоевропейской ранговой схеме все же удается восстановить: местоимения следуют за союзами, а глаголы за местоимениями, ср. (Krisch, 1990, p. 73).

лами индоевропейской семьи показывают те же принципы расположения клитик, что и древние индоевропейские. Вместе с тем типологическое значение ЗВ и историческое¹ не исключают друг друга.

В то же время замечание Куриловича может иметь значение и для исторического взгляда на ЗВ. Для понимания ЗВ как индоевропейского важно его положение в контексте этимологической проблематики. А priori не известно, наследуется ли порядок слов (в том его проявлении, которое называется ЗВ) *вместе* со словами или отдельно, независимо от них. Как указывает Циммерлинг (Циммерлинг, 2002, с. 162), «лишь часть энклитик принадлежит старому индоевропейскому фонду; главным подтверждением закона Ваккернагеля является не генетический состав служебных слов, а принцип размещения всех нелокальных энклитик в первой тактовой группе». Однако данный тезис не представляется нам столь самоочевидным. Конечно, если среди вакернагелевских слов в индоевропейских языках имеются слова, корни которых достоверно не восходят к индоевропейскому, это свидетельствует в пользу тезиса о независимом наследовании порядка слов. Впрочем, ничто не мешает предполагать в таких случаях и действие аналогии². В то же время индивидуальный характер флексии энклитик в индоевропейских языках указывает только на то, что порядок слов может наследоваться не *вместе со словоформами*, а *вместе с корнями*.

Однако если мы даже можем установить индоевропейское происхождение той или иной энклитики, доказать, что ее корень был энклитическим и в индоевропейском, сложнее. Вариативная трактовка многих морфем как энклитик в одних языках и как проклитик / (энклиноменов³) / акцентно самостоятельных слов в других (или даже в пределах одного языка)⁴ сильно усложняет вопрос.

¹ В пользу которого высказывается Уоткинс, критикуя замечание Куриловича (Watkins, 1964, p. 1036).

² Которое действительно иногда предполагают в отношении ЗВ (Hale, 1987b, p. 87, 94).

³ Об этом понятии (Дыбо, 1975; Дыбо, 1981).

⁴ Как и нестабильность позиционных слов в древних индоевропейских языках и диалектах (Hackstein, 1997).

Как бы то ни было, даже если порядок слов (ЗВ) наследуется отдельно от слов¹, это не отменяет историческое понимание ЗВ.

Глагол в вакернагелевской позиции

Строго второе место глагола в независимом предложении в немецком языке подтолкнуло Вакернагеля к гипотезе об энклитическом статусе глагола в соответствующей позиции в индоевропейском. Приводить всю мотивировку здесь невозможно, напомним лишь некоторые аргументы: положение связки в латинском (Wackernagel, 1892, S. 428–429), вторичный характер ударности глагола в древнегреческом (обоснованный ранее в статье (Wackernagel, 1877), вторая позиция глаголов в древнегреческих надписях, при которой определяемое слово (подлежащее) отделяется от определяющего, древнеиндийские контексты с глаголом во второй позиции.

Тезис о второй позиции энклитического глагола в индоевропейском остается предметом дискуссий (Krisch, 1990, S. 76–78; McCone, 1979, p. 11). Согласно (McCone, 1979, p. 10), германский материал – ключевой для теории, сформулированной Вакернагелем. Если германский материал по тем или иным причинам не соответствует тезису Вакернагеля, его теория лишается главной поддержки. Не так давно была сформулирована теория, согласно которой вторая позиция глагола в германском – инновация, а не индоевропейское наследие, (Kiparsky, 1995). Тем не менее энклитические формы глагола в некоторых языках, в том числе не только индоевропейских, действительно могут занимать позицию согласно ЗВ.

В типологической перспективе Андерсон противопоставляет «вторую позицию» глагола и «вторую позицию» остальных клитик, «вторая позиция глагола, в отличие от второй позиции клитик,

¹ Дополнительным аргументом может служить индивидуальное упорядочение цепочек вакернагелевских слов по языкам: Циммерлинг указывает, например, что в «древнерусском связка занимает место правее прочих энклитик, в сербохорватском связки (кроме формы 3 л. је) стоят левее других частиц» (Циммерлинг, 2002, с. 162). Ср. также (Дункель, 1992, с. 23–24). Подобные примеры легко умножить. Однако наблюдаются и многочисленные сходства, ср. (Krisch, 1990).

всегда означает постановку финитного глагола после начального КОНСТИТУЕНТА (а не просто слова)»¹, (Anderson, 1993, p. 73), ср. тж. (Anderson, 1993, p. 86; Anderson, 2005, с. 177–227). Однако нет такой универсалии, как постановка энклитического глагола после второго синтаксического составляющего. Вторая позиция энклитического глагола может, как и вторая позиция всех прочих клитик, определяться либо синтаксически, либо фонологически, либо вариативно. Наличие соответствующих примеров Андерсон сам вынужден признать, (Anderson, 2005, p. 224). В добавление можно привести данные древних индоевропейских языков, где глагол разрывает непосредственные составляющие (17–20, 23–28) и / или глаголу предшествуют несколько слов, не образующих единый синтаксический конституент (21, 22, 24, 27, 28),

(17) **quanta** esset hominum **admiratio** (Cicero, Laelius, 2),

(18) **omnis** est e vita sublata **iucunditas** (ibid. 102),

(19) **quod** erit **cunque visum**, ages (Cicero de finibus 4, 69),

(20) **per** fore **accommodatum** tibi (Cicero epistul. ad familiares.3, 5, 3)²;

(21) (ст) (орови) ти есме вохе (670),

(22) (?) оже ны ю си холопы нарекла (400),

(23) **фофоудьн** былъ **твоих 9** рьклъ **ж** собю (675),

(24) и **что** есми въз ли **твоего...** (Ипат. под 1147 г., л. 126)³;

(25) τ□ σ□ ν | τ□ □ στι **пр□γμα**; (Plat. Apol. 20c),

(26) ο□ **τος** □ ν τεθ□ **ν□μος**,

(27) **ν□μος** δ' ε□ η **π□τριος** (Andoc. 1. 110),

(28) φ□ **λοι** γ□ ρ ε□ σιν □ νδρ□ δυστυχε□ **τ□ves**⁴.

(Выделены слова, относящиеся к одной синтаксической группе.) Характерно, что в последних двух примерах глагол-связка оказывается в одной цепочке с остальными вакернагелевскими словами.

Как замечает Андерсон, «явные примеры глагола во второй позиции трудно (если вообще возможно) найти за пределами индо-

¹ «The Verb Second phenomenon, in contrast (to clitic-second phenomenon), always locates the finite Verb after an initial CONSTITUENT (not just a word)».

² Примеры взяты у Вакернагеля (Wackernagel, 1892, S. 429).

³ Примеры взяты у Зализняка (Янин, Зализняк 1993, с. 284, 285 и 289).

⁴ Греч. примеры взяты из работы (Devine, Stephens, 2000, p. 8, 109, 91, 100).

европейских языков» (Anderson, 2005, p. 224). Можно предположить, однако, что глагольные клитики в принципе реже неглагольных. Далее автор высказывает следующий тезис: «За исключением, возможно, кашмири, языки, ставящие глагол во второй позиции, мало показательны в отношении второй позиции (прочих. – *М.В.*) клитик» (Anderson, 2005, p. 224). Слабость такого типологического обобщения заключается хотя бы в том, что оно исключает из поля зрения древние индоевропейские языки, которые, как уже указывалось, часто ставят энклитические формы глагола в одну цепочку с прочими сентенциальными клитиками.

В лингвистической литературе под «законом Вакернагеля» подразумевают, как правило, закон, действовавший в пределах одной группы языков, – в то же время выражение «вакернагелевская позиция» и т.п. часто упоминается в чисто типологическом контексте.

Описание 3В в отдельных языках и диалектах

В целом наблюдается сильный недостаток описательных работ по действию 3В в отдельных языках и диалектах. Описание релевантных явлений «разбросано» по работам, посвященным клитикам, частицам и прочим «малым словам». Для многих языков просто отсутствует полный список энклитик (в более общей форме – список слов, подчиняющихся 3В), который, однако, «всегда строго ограничен и сравнительно невелик» (Зализняк, 2004, с. 45).

Список литературы

- Дункель Г. Грамматика частиц // Вопр. языкознания. – М., 1992. – № 5. – С. 13–33.
- Дыбо В.А. Закон Васильева-Долобо в древнерусском языке на материале Чудовского Завета // Intern. j. of Slavic linguistics a. poetics. – Columbus (Ohio), 1975. – Vol. 18, N 1. – С. 7–81.
- Дыбо В.А. Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. – М.: Наука, 1981. – 272 с.
- Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – С. 44–69.
- Кисилиер М.Л. Закон Вакернагеля в позднем койне: (На материале «Луга Духовного» Иоанна Мосха) // Язык и речевая деятельность. – СПб., 2003. – С. 122–140.

- Красухин К.Г.* Закон Вакернагеля и структура индоевропейского предложения // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. – М., 1997. – № 72. – С. 70–90.
- Красухин К.Г.* Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. – М., 2005 – С. 127–169.
- Кузнецов А.Е.* Латинская метрика. – Тула, 2006. – 554 с.
- Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
- Циммерлинг А.В.* Типологический синтаксис скандинавских языков. – М.: Языки славян. культуры, 2002. – 895 с.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984–1989 гг. – М.: Наука, 1993. – 348 с.
- Actes du 15e Congrès international des linguists, Québec, univ. Laval, 9–14 août. – Sainte-Foy: Presses de l'univ. Laval, 1993. – Vol. 1–4.
- Adams J.N.* Wackernagel's law and the placement of the copula «esse» in classical Latin. – Cambridge, 1994. – 98 p.
- Adams J.N.* Wackernagel's law and the position of unstressed personal pronouns in Classical Latin // Trans. of philol. soc. – Oxford, 1994. – Vol. 92. – P. 103–178.
- Aikhenvald A.Y.* Typological parameters for the study of clitics, with special reference to Tariana // Word: A cross-linguistic typology. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – P. 42–79.
- Analecta homini universali dicata: Arbeiten zur Indogermnaistik, Linguistik, Philologie, Politik, Musik und Dichtung: Festschr. für Oswald Panagl zum 65. Geburtstag / Hrsg. von Krisch Th. – Stuttgart: Heinz, 2004. – Vol. 1–2.
- Anderson S.R.* A-morphous morphology. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – XIV, 434 p.
- Anderson S.R.* Aspects of the theory of clitics. – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – IX, 317 p.
- Anderson S.R.* How to put your clitics in their place or why the best account of second-position phenomena may be a nearly optimal one // Ling. rev. – Berlin etc., 1996. – Vol. 13. – P. 302–334.
- Anderson S.R.* Wackernagel's revenge // Language. – Baltimore, 1993. – Vol. 69. – P. 68–98.
- Approaching second: second position clitics and related phenomena / Ed. Aaron L. et al. – Stanford (Cal.), 1996. – XXIII, 629 p.
- Berthold Delbrück y la syntaxis indoeuropea hoy: Actas del Coloquio de la Indogerm. Gesellschaft, Madrid, 1994 / Ed. by Crespo E., García Ramón J.L. – Madrid; Wiesbaden, 1997.
- Bošković Z.* On the nature of the syntax-phonology interface. – Oxford: Elsevier science, 2001. – IX, 328 p.
- Bošković Z.* Second position cliticisation: Syntax and/or phonology? // Clitic phenomena in European languages. – Amsterdam; Philadelphia, 2000. – P. 71–119.
- Clause structure and language change / Ed. by Roberts B. – Oxford: Oxford univ. press, 1995. – 304 p.
- Clitic phenomena in European languages / Ed. by Beukema F., den Dikken M. – Amsterdam; Philadelphia, 2000. – VIII, 320 p.

- Collinge N.E.* The laws of Indo-European . – Amsterdam etc.: Benjamins, 1985. – XVI, 308 p.
- Devine S., Mackay A., Stephens L.D.* Discontinuous syntax: Hyperbaton in Greek. – Oxford: Oxford univ. press, 2000. – XI, 348 p.
- Devine S., Mackay A., Stephens L.D.* The prosody of Greek speech. – Oxford: Oxford univ. press, 1994. – XVI, 565 p.
- Dik H.* Word order in ancient Greek: A pragmatic account of word order variation in Herodotus . – Amsterdam: Gieben, 1995. – 294 p.
- Dimensioni della linguistica / A cura di: Conte M. E..* – Milano: Angeli, 1990. – 239 p.
- Dover K.J.* Greek word order . – Cambridge: Cambridge univ. press, 1960. – XIII, 72 p. – (Repr. 2000 by Bristol classical press).
- The encyclopedia of language & linguistics / Ed.-in-chief Brown. K.* – Oxford (etc.): Elsevier, 2006. – Vol. 1–14.
- Fraenkel E.* Kolon und Satz: Beobacht. zur Gliederung des antiken Satzes // *Fraenkel E. Kleine Beiträge zur klassischen Philologie.* – Roma, 1964. – Bd 2. – S. 73–130.
- Fraenkel E.* Noch einmal Kolon und Satz. – München: Bayer. Akad. der Wiss., 1965. – H. 2. – S. 39–69.
- Fried M.* Cliticisation and related phenomena in Czech: Man. – Berkeley: Univ. coll., 1991.
- Garrett A.* The syntax of Anatolian pronominal clitics: Ph.D. diss. – Cambridge (Mass.): Harvard univ., 1990. – IX, 301 p.
- Gipert J.* Indo-European word order in main and subordinate clauses in a diachronic perspective // *Analecta homini universali dicata: Arbeiten zur Indogermanistik, Linguistik, Philologie, Politik, Musik und Dichtung: Festschr. für Oswald Panagl zum 65. Geburtstag / Hrsg. von Krisch Th.* – Stuttgart: Heinz, 2004. – P. 48–68.
- Hackstein O.* Präverb, Post- und Präposition im Tocharischen // *Tocharian and Indo-European studies.* – Copenhagen : Reitzel, 1997. – Vol. 7. – S. 35–61.
- Hale K.* Warlpiri and the grammar of non-configurational languages // *Natural language and linguistic theory.* – Dordrecht, 1983. – P. 5–47.
- Hale M.R.* Deriving Wackernagel's law: Prosodic a. syntactic factors determining clitic placement in the language of the Rigveda // *Approaching second: Second position clitics a. related phenomena.* – Stanford, 1996. – P. 165–199.
- Hale M.R.* Notes on Wackernagel's law in the language of the Rigveda // *Studies in memory of Warren Cowgill, (1929–1985).* – Berlin, 1987. – P. 38–50.
- Hale M.R.* Studies in the comparative syntax of the oldest Indo-Iranian languages: A thesis. – Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1987.
- Halpern A.* On the placement and morphology of clitics. – Stanford: CSLI, 1995. – XII, 250 p.
- Hock H.H.* Who's on first? Toward a prosodic account of P2 clitics // *Approaching second: Second position clitics a. related phenomena.* – Stanford, 1996. – P. 199–271.
- Indogermanische Syntax: Fragen u. Perspektiven / Hrsg. von Hettrich H.* – Wiesbaden: Reichert Verl., 2002. – 353 S.
- Ivanov V.V.* Indo-European syntactic rules and Gothic morphology // *UCLA Indo-European studies.* – Los Angeles, 1999. – Vol. 1. – P. 103–121.

- Jakobson R.* Les enclitiques slaves // Selected writings. – The Hague; Paris, 1971. – Vol. 2. – P. 16–22.
- Janse M.* Clitics and word order since Wackernagel: One hundred years of research into clitics and related phenomena // *Orbis*. – Louvain, 1994. – Vol. 37. – P. 389–410.
- Janse M.* The prosodic basis of Wackernagel's law // *Actes du 15e Congrès international des linguistes*, Québec, univ. Laval, 9–14 août. – Sainte-Foi, 1993. – Vol. 4. – P. 19–22.
- Janse M.* Wackernagel's law // *Proceedings of the Fourteenth international congress of linguists*. – Berlin, 1987. – P. 2645–2649.
- Kaisse E.M.* Connected speech: The interaction of syntax and phonology. – Orlando: Acad. press, 1985. – VIII, 206 p.
- Kaisse E.M.* Sentential clitics and Wackernagel's law // *Proceedings of the West Coast conference on formal linguistics*. – Stanford, 1982. – Vol. 1. – P. 1–14.
- Kiparsky P.* Indo-European origins of Germanic syntax // *Clause structure and language change*. – Oxford, 1995. – P. 140–169.
- Klavans J.L.* On clitics and cliticization. – N.Y.; L.: Garland, 1995. – XV, 192 p.
- Klavans J.L.* The independence of syntax and phonology in cliticization // *Language*. – Wash., 1985. – Vol. 61. – P. 95–120.
- Krisch Th.* Berthold Delbrücks Arbeiten zur Wortstellung aus heutiger Sicht // *Berthold Delbrück y la sintaxis indoeuropea hoy: Actas del Coloquio de la Indogerm. Gesellschaft*, Madrid, 1994. – Madrid; Wiesbaden, 1997. – S. 283–309.
- Krisch Th.* Das Wackernagelsche Gesetz aus heutiger Sicht // *Sprachwissenschaft und Philologie: Jacob Wackernagel u. die Indogermanistik heute*. – Wiesbaden, 1990. – S. 64–81.
- Krisch Th.* Indogermanische Wortstellung // *Indogermanische Syntax: Fragen u. Perspektiven*. – Wiesbaden, 2002. – S. 249–261.
- Krisch Th.* Some aspects of word order and sentence type: From Indo-European to New High German // *Analecta homini universali dicata: Arbeiten zur Indogermanistik, Linguistik, Philologie, Politik, Musik u. Dichtung*. – Stuttgart, 2004. – S. 106–129.
- Les langues menacées: Actes du 15e Congrès international des linguistes*, Québec, univ. Laval, 9–14 août. – Sainte-Foi, 1993b. – Vol. 4.
- Luraghi S.* Osservazioni sulla Legge di Wackernagel e la posizione del verbo nelle lingue indoeuropee // *Dimensioni della linguistica / A cura di Conte M.-E.* – Milan, 1990. – P. 31–60.
- Mallén E.* A minimalist perspective on Wackernagel law // *New approaches to old problems*. – Amsterdam, 2000. – P. 199–215.
- Marshall M.H.B.* Verbs, nouns, and postpositives in Attic prose. – Edinburgh: Scottish acad. press, 1987. – 178 p.
- McCone K. R.* Aspects of Indo-European sentence patterns and their role in the constitution of the Old Irish verbal system. – Oxford: Hertford college diss., 1979. – X, 507 leaves.
- McCone K.R.* Delbrück's model of PIE word order and the Celtic evidence // *Berthold Delbrück y la sintaxis indoeuropea hoy*. – Madrid, 1997. – P. 363–396.
- Meier-Brügger M.* Indogermanische Sprachwissenschaft. – B.e.a: de Gruyter, 2002. – XCVI, 316 S.

- Nespor M., Vogel I.* Prosodic phonology. – Dordrecht: Foris, 1986. – XIV, 327 p.
- Nevis J.A.* Clitics: A comprehensive bibliography, 1892 - 1991. – Amsterdam e.a.: Benjamins, 1994. – 274 p. – (Amsterdam studies in the theory a. history of ling. science. Ser. 5, Library & information sources in linguistics; 22).
- New approaches to old problems / Hrsg. von Dworkin S.N. – Amsterdam; Philadelphia, 2000. – XIV, 235 p.
- Nida E.A.* Morphology: The descriptive analysis of words. – 2nd ed. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1946. – XII, 221 p.
- Nordic prosody / Ed. by Fretheim. – Trondheim: TAPIR, 1981. – 249 p.
- Peperkamp Sh.* Prosodic words. – Amsterdam: HIL, 1997. – XIV, 231 p.
- Perlmutter D.M.* Deep and surface constraints in syntax. – N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1971. – XV, 137p.
- Proceedings of the Eighth international congress of linguists / Gen. ed.: Sivertsen E. – Oslo: Oslo univ. press, 1958. – XXXI, 881 p.
- Proceedings of the Fourteenth international congress of linguists, Berlin, Aug. 10–15 1987 / Ed. by Bahner W., Schildt J., Viehweger D. – Berlin, 1990. – Vol. 1–3.
- Proceedings of the Ninth international congress of linguists, Cambridge (Mass.), Aug. 27–31, 1962 / Ed. by Lunt H.G. – L. e.a.: Mouton, 1964. – XXII, 1174 p.
- Proceedings of the West Coast conference on formal linguistics. – Stanford (Cal.), 1982. – Vol.1. – VI, 362 p.
- Ramat A.G.* Clitici latini e romanzi // Dimensioni della linguistica / A cura di Conte M.-E. – Milano: Angeli, 1990. – P. 11–30.
- Ruijgh C.J.* La place des enclitiques dans l'ordre des mots chez Homère d'après la loi de Wackernagel // Sprachwissenschaft und Philologie: Jacob Wackernagel u. die Indogermanistik heute. Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 13. bis 15. Oktober 1988 in Basel. – Wiesbaden: Reichert, 1990. – P. 213–233.
- Schäufele S.* Now that we're all here, where do we sit? Phonological ordering in the Vedic clause-initial string // Approaching second: Second position clitics a. related phenomena. – Stanford (Cal.), 1996. – P. 447–477.
- Selkirk E.* On prosodic structure and its relation to syntactic structure // Nordic prosody. – Trondheim: TAPIR, 1981. – P. 111–140.
- Selkirk E.* Phonology and syntax: The relation between sound a. structure. – Cambridge (Mass.): MIT press, 1984. – XV, 476 p.
- Sprachwissenschaft und Philologie: Jacob Wackernagel und die Indogermanistik heute: Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 13. bis 15. Okt. 1988 in Basel – Wiesbaden: Reichert, 1990. – XIX, 269 S.
- Studies in memory of Warren Cowgill (1929–1985) / Cornell univ., June 6–9, 1985; Ed. by Watkins C. – Berlin; N.Y.: de Gruyter, 1987. – X, 327 p. – Stanford (Cal.): Stanford univ. press, Linguistics dep., 1982. – VI, 362 p.
- Taylor A.* Clitics and configurationality in Ancient Greek: Doct. diss. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, 1990. – 217 p.
- Wackernagel J.* Der griechische verbalakzent // Ztschr. für vergleichende Sprachforschung. – Göttingen, 1877. – T. 23. – S. 457–470.

- Wackernagel J.* Indogermanische Dichtersprache // *Philologus*. – Leipzig, 1943. – T. 95. – S. 1–19.
- Wackernagel J.* Kleine Schriften. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1953. – Bd 1. – 832 S. Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // *Indogerm. Forsch.* – B., 1892. – T. 1. – S. 333–436
- Watkins C.* Preliminaries to the reconstruction of Indo-European sentence structure // *Proceedings of the Ninth international congress of linguists*. – Cambridge (Mass.), 1964. – P. 1035–1045.
- Watkins C.* ΕΠΕΩΝ ΘΕΣΙΣ // *Indogermanische Syntax: Fragen u. Perspektiven*. – Wiesbaden: Reichert Verl., 2002. – P. 319–337.
- Word: A cross-linguistic typology* / Ed. by Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y. – Cambridge: Univ. press, 2002. – XIII, 290 p.
- Zwicky A.M.* On clitics. – Bloomington: Indiana univ. ling. club, 1977. – 40 p.

М.В. Вексина